

РОЛЬ ПРОРОКОВ, ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ, ЛИДЕРОВ И СТРАТЕГОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ КОНТУРОВ И СЦЕНАРИЕВ БУДУЩЕГО

Люди всегда стремились получать знания о характеристиках и «контурах» будущего человечества, нации, коллектива, группы или индивидуума. Для этого создавались, развивались и использовались различные формы, методы и инструментариумы. Появлялись профессии, профессиональные знания, навыки и науки постижения будущего, скрытого от людей невидимым хаосом времени. Первоначально использовалось в основном интуитивное, подсознательное восприятие будущего (эти ненаучные ощущения до сих пор не рекомендуется игнорировать в стратегическом осмыслении будущих возможностей и опасностей). Этой тематике в последние годы посвящены серьезные, прежде всего, зарубежные исследования [1], хотя ещё в советской философско-футурологической школе такие процессы начинали осмысливаться (например, в работах И.В. Бестужева-Лады [2]). В научных исследованиях до середины XX века для получения контуров, сценариев и временных характеристик будущего традиционно использовались различные методологии анализа процессов прошлого и их проецирование в мало понятные условия будущего. Это, прежде всего, экстраполяция и интерпретация прошлого в схематичных концепциях перспективных периодов и другие эвристические методы, и подходы к условиям высокой степени неопределенности будущего.

В XX веке начали складываться психологические школы логико-психологического анализа и исследований профессиональной практики и теории мышления о будущем. Изучаются различные функции профессионального перспективного мышления в процессах предвидения, прогнозирования, долгосрочного планирования и, в меньшей степени, стратегирования. К концу XX века начали анализироваться различные поведенческие модели в сфере принятия экономических решений в условиях

высокой степени неопределенности, в процессах прогнозирования, перспективного планирования и стратегирования с использованием теорий неоклассической экономической школы. Это привело к формированию принципиально новой сферы экономических исследований - поведенческой экономики (behavioral economics). В силу ее необычных и нетрадиционных предметов, методологии и выводов исследования ученые, посвятившие себя данной проблематике, испытывали колоссальные трудности признания самой идеи таких исследований. Например, учёный, первым получивший Нобелевскую премию по экономике за исследования в данной сфере (присуждена в 2002 году) - Даниэль Канеман (Daniel Kahneman), рассказывал, что его первую статью, написанную с его основным соавтором (не дожившим до присвоения этой самой высокой премии) Амосом Тверски (Amos Tversky), отвергли в журнале как «поверхностную». Редактору их работа показалась слишком легкомысленной для академического издания. Как говорит Канеман: «Психологи на самом деле стремятся стать учеными, белыми сюртуками, используя сложную статистику, экспериментируя. Ими тогда не воспринималась идея, что можно задать один вопрос, и таким образом сформировать доказательство ... так тогда психология не исследовалась» [3]. С тех пор за исследования в сфере поведенческой экономики присуждено уже три Нобелевские премии, в том числе в 2005 году Роберту Ауману (Robert John Aumann) и в 2017 году Ричарду Талеру (Richard H. Thaler). Обратившись к исследованиям и пониманию будущего, Даниэль Канеман пришёл к исключительно неожиданному и плодотворному выводу: «Мы думаем о нашем будущем как об ожидаемых воспоминаниях» (“we think of our future as anticipated memories “) [4]. Сам Канеман делает, в этой связи, вывод о том, что такое понимание и видение нашего будущего должно заставлять нас ещё раз задуматься о нем именно с таким восприятием наших будущих ожиданий от больших решений.

Это заставляет ещё глубже анализировать деятельность описанных в сакральных книгах пророков и провидцев, которые стремились пролить свет

на неизвестное и поэтому ещё более пугающее, и кажущееся нерациональным будущее. Кстати, именно к исследованиям «предсказуемой иррациональности» Канеман и Тверски впоследствии и перешли, разработав исключительно важную для теории и практики стратегирования (в том числе для разработки основ стратегического мышления) теорию проспектного мышления в условиях высоких рисков [5]. С пониманием будущего связаны и основные выводы когнитивной науки, позволяющей лучше понимать и оценивать потенциал ныне принимаемых решений с точки зрения создаваемых ими рисков и эффективности в анализируемом будущем. Верным решениям на основе стратегического мышления бесспорно способствует и использование результатов исследований Роберта Аумана, связанных с анализом поведения и реакций конкурентов и противников или партнеров на взаимодействие или борьбу в будущем. Прогнозирование, и тем более стратегирование, это не описание желаемых картин будущего, а скорее выяснение возможных и часто как раз нежеланных сценариев и результатов в долгосрочной перспективе. И здесь нужно пытаться оценивать и различать сценарии объективной и субъективной вероятности, в которых сталкиваются или кооперируют ценностные ориентиры, интересы и приоритеты субъектов стратегирования. Причем согласно выводам Аумана в долгосрочных взаимодействиях и конфликтах выигрывают те, кто ставит долгосрочные стратегические приоритеты выше быстрого, но кратковременного успеха [6].

Что касается провидцев и предсказателей, то, прежде всего, нужно признать то, как часто в изучении и стратегировании будущего приходится сталкиваться с проявлениями его нерациональности. Иррациональные, порой порождаемые подсознанием и интуицией, характеристики будущих процессов так часто используются в предсказаниях и предвидениях, что превращаются, в ряде случаев, в почти не прогнозируемую маловероятную реальность будущего. Первыми из известных специалистов по выявлению и пониманию маршрутов людей в будущее и его характеристикам, и «контурам» были индивидуумы, «видевшие» картины будущего - провидцы

и/или пророки. Предвидение и пророчество - древние категории и концепции. Это профессия и навыки, проявившиеся задолго до того, как в древнееврейских и христианских скриптах появились записи, свидетельствующие о деятельности пророков, провидцев и их предвидениях, и пророчествах. Даже со времен, предшествующих Шумерской и Месопотамской цивилизациям, сохранились артефакты и записи о «профессиональных» провозвестниках, посланниках, воспринимаемых рупорами порой невидимой и неизвестной сверхсилы или божества.

Видение будущего, предвидение - вполне сложившаяся категория научных исследований. Так, в Российской социологической энциклопедии пишется, что **предвидение (П)** «является по существу информационным (описательно-познавательным) аспектом опережающего отражения как имманентного свойства высших форм материи. Разделяется на научное и ненаучное П., а последнее - на интуитивное (связанное с подсознанием), обыденное (по народным приметам на основе жизненного опыта) и мантическое (псевдопредвидение в виде пророчеств, прорицаний, "откровений", гаданий и т. п.) предвидение. Как абстрактная категория П. имеет несколько форм конкретизации: предчувствие (простое предвосхищение), свойственное любому организму; предугадывание (сложное предвосхищение) - вид интеллектуальной деятельности человека, размышления о будущем на основе личного опыта...» [7]. Естественно предположить, что исторически предвидения и пророчества возникали не в результате особых знаний, а скорее благодаря особым свойствам подсознания и интуиции провозглашавших их индивидуумов.

В истории монотеистических религий быть вестником, посланником Всевышнего, вероятно, наиважнейшая функция пророка. Тем не менее, в обществах, находящихся в разных фазах своей социально-экономической зрелости, в социальных средах с различными религиозными и культурными традициями, социальными предпочтениями пророки воспринимались,

принимались и творили своеобразно не только как предвестники и посланники, но часто и как предсказатели и, время от времени, даже являлись лидерами. В жизнеописаниях Авраама и Моисея, представленных в книгах Бытие и Исход (Genesis и Exodus) в еврейском каноне - Ветхом Завете и христианских Библиях, а также и в Коране эти пророки предстают наделенными проактивными ролями и могут рассматриваться как пророки-лидеры. Способности Моисея описываются как огромные: так в древнееврейском каноне - Торе говорится: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей» (Бытие 34:10). Моисей начинает как вестник Высшей воли, как посланник и вырастает до неоспоримого лидера, и с концептуальных позиций становится величайшим стратегом. Его преемник Джошуа (Иисус Навин или Йехошуа-бин-Нун) необязательно воспринимается пророком или провидцем, а скорее крупнейшим лидером военной стратегии.

Другим выдающимся пророком-провидцем в Библейской истории является Самуил (Шмуэль). Он начинал как пророк и, как Моисей становится выдающимся лидером и стратегом в ходе войны против филистимлян около 1040 в .до н.э. (событие и дата, однако, не достаточно подтверждены историческими фактами). В соответствии с результатами исследования Хамптона Кейсли (J.Hampton Keathley III), отраженными в его статье "Основные пророки" («The Major Prophets»), между Английской Библией (English Bible), изданной под патронажем короля Якова I (King James) и Ветхим Заветом (Hebrew Bible) имеются некоторые расхождения в описаниях пророков и в оценках их роли и значимости. Например, Кейсли подчеркивает, что Даниил обычно рассматривается как один из главных пророков в Английской Библии, но в Ветхом Завете появляется только в третьей части, называемой Писания - Ктувим (The Writings) [8]. В Книге Самуила - Сефер Шмуэль (Book of Samuel) - восьмой книге древнееврейского канона - некоторые пророки наделяются различными функциями и даже силой. Пророк – это тот, кто наблюдает и понимает, а

также является провидцем. В другой строфе Самуил описывает пророка как «Nabu» или того, кто вызывает и объявляет (1 Самуил 9:9).

Изученные с освещаемой точки зрения сакральные тексты позволяют предположить, что в нескольких христианских традициях пророки-провидцы понимаются и живописуются не их действиями (или менее их действиями), и называются скорее святыми, чем запечатляются своим «профессионализмом» видения и провозглашения пророчеств. Во всяком случае, можно заключить, что оба типа пророков, конечно, как показывается в сакральных скриптах, скорее использовались Высшей силой - в целях провозглашения важнейших событий, которые (предположительно) случаются в будущем или должны были иметь экстра-способности - предвидеть будущее и объявлять это аудитории. В обеих этих версиях, пророк - это провидец и предсказатель, но необязательно лидер.

В большинстве случаев, провозглашенные пророчества были в такой степени за пределами понимания обычного среднего человека, что пророки-провидцы часто не воспринимались серьезно непосредственно своими современниками. Например, так происходило и с дочерью мифологического троянского царя Приама Кассандрой (Casandra) чьим предсказаниям о предстоящем падении Трои никто не верил до самого превращения этого предсказания в жестокую реальность.

В Торе (Torah), слово “Navi” ассоциируется с мощным и точным видением, таких великих лидеров как Моисей и Самуил, в то время как “Navi'im” отображает тоже пророка-провидца, но только без лидерских качеств. В истории пророчеств не редки были случаи, когда лидеры/стратеги представляли свое стратегическое видение таким образом, что оно даже считалось пророчеством в течение короткого промежутка времени после его практической реализации. В то же время, справедливым представляется подчеркнуть, что даже если некоторые стратеги могут быть близки, в ряде случаев, в своей деятельности к пророческому предвидению, они, тем не менее, не могут считаться пророками. В истории, с той или иной степенью

достоверности, фиксировались случаи, когда некоторые предсказатели, могли (или могут) предвидеть события далекого будущего (даже через столетия), однако и они, как можно утверждать с большой долей уверенности, не были ни провидцами, ни посланниками Высшего разума. К таким, бесспорно одаренным людям, можно, например, относить писателей - фантастов Жюль Верна, предвидевшего (на основе изучения ряда прогнозов и практических, но безуспешных попыток творческих людей) появление металлических подводных лодок, Джонатана Свифта, угадавшего существование обнаруженных позднее спутников Марса, Олдоса Хаксли, описавшего, за несколько десятилетий до открытия генной инженерии, жизнь общества, функционирующего на основе достижений этой, тогда ещё несуществующей, науки, Мартина Кайдина, предвосхитившего в своём романе “Киборг” человека с бионическими протезами, создание которых осуществилось лишь через 40 с лишним лет.

Можно привести десятки подобных примеров, но наиболее известным из таких гениев является выдающийся Мишель де Нострадам (*Michel de Nostredame*) - Нострадамус (1503-1566 гг.). Около 1550 года он начал публиковать свои предсказания и в 1555 году объединил их в первое самостоятельное издание – книгу Центурий («Столетия»), которая с тех пор многократно переводилась и переиздавалась как «Полные пророчества Нострадамуса» («The Prophecies of Nostradamus»). Нострадамус рассматривал свои предсказания как пророчества. В предисловии к первому изданию книги, которое он адресовал своему сыну Сезару, Нострадамус представляет себя как пророка: «Только уникальные, вдохновлённые божественной силой, могут предсказывать конкретные события в духе пророчества». Тем не менее, далее в этом же предисловии Нострадамус написал: «Сейчас, мой сын, несмотря на то, что я использовал имя пророка здесь, я не буду приписывать себе это возвышенное звание; он называется пророком сейчас, однажды назывался провидцем, и в узком смысле слова, пророки лишь те, которые видели вещи, отдаленные от естественных знаний человечества. Или,

предположим, что пророки силой совершенного света пророчества, могут видеть божественные вещи, также как человек (который не может, однако, видеть эффекты будущих предсказаний), и расширять дистанцию видения к секретам Бога, которые непостижимы и их эффективная мощь бесконечно удалена от естественных знаний, беря их истоки в свободе волеизъявления, вызванной теми явлениями, которые не известны ни человеческим предзнаменованиям, ни скрытым знаниям или секретной добродетели под Небесами. Только с помощью силы некоторой неделимой невидимой сущности, и благодаря геркулесовым усилиям причины стали известны с помощью небесного движения».

Читая вышеприведенный текст Нострадамуса, представляется возможным сделать вывод, что он считал себя наделенным обеими силами - как пророка, так и предсказателя [9]. Несмотря на то что он относит к своим способностям обе эти силы, он, тем не менее, не полностью уверен кем он является - пророком-провидцем или предсказателем, или же обладателем обеих этих способностей. Он иногда отождествляет и объединяет силу предвидения пророка с «профессиональной» способностью предсказателя.

На протяжении многих лет я был впечатлен точностью предвидения и предсказания Нострадамусом событий и их внутренних связей и взаимовлияний, закрытых от него веками непредсказуемости и хаоса. После нескольких месяцев борьбы с моими собственными сомнениями, я с неохотой и без всякого энтузиазма сделал вывод о том что Нострадамус предсказатель, но не пророк. Я не могу судить все его катрены, однако многие его предсказания сбылись с провидческой точностью. В частности, одно из них, относящееся к Советскому Союзу.

подавляющее большинство библейских пророков демонстрирует в течение длительного периода свою миссию и способность предвидеть события будущего такой временной глубины, на которую не способны лучшие специалисты в сфере стратегирования и стратегического

планирования и даже те, кто разрабатывают лишь стратегические концепции, а не детальные сценарии. Мудрость и видение пророков охватывают века, как, например, предвидение пророка Даниила. Конечно, трудно подтверждать и/или опровергать подобные способности провидцев их современниками: провозглашённое пророком может стать реальностью, во времена когда его современники десятилетия и столетия уже находятся в ином мире.

Важно подчеркнуть, что из выше изложенного совсем неверно заключить, что каждый лидер, упомянутый в священных текстах является пророком. Библейский царь Давид (David) – яркий пример великого лидера, который не был пророком. Давид не проявил свои пророческие качества, но почитал пророков-провидцев, приглашая их в своё окружение и, в частности, Натана (Нафан, Nathan), огласившего несколько пророчеств, ставших библейской реальностью. Именно Натан предвидел Соломона в качестве преемника Давида, которому и суждено будет воздвигнуть Храм. С этой точки зрения в библейской истории профессии пророков и лидеров уже были разделены. Пророки почти всегда воспринимались окружением как люди, наделённые мудростью, несмотря на то, что часто первая из приписываемых им характеристик была скорее связана с их “неполной нормальностью”.

В древнегреческой мифологии и истории даже роли мудрой персоны и прорицателя были разделены. Философы серьезно не рассматривали провидцев, а философы не воспринимались современниками в качестве пророков. В то же время, ни философы, ни пророки, ни предсказатели не рассматривали лидеров в качестве пророков и даже прорицателей (предсказателей). И это несмотря на то, что Платон в своём диалоге «Государство» («Republic») утверждает, что в идеальном государстве править должны философы, видимо предполагая, что идеальные идеи и теории в этом случае будут идеально реализовываться в практике реального руководства. Кстати, в силу подчеркнутого выше разделения функций лидера

и предсказателя и, тем более, пророка-провидца, логически вполне возможно предположить (как и отмечают некоторые историки), что Александр Македонский консультировался у Дельфийского оракула для лучшего понимания своей миссии и будущего.

Для стратегов наиболее важная ценность пророков-провидцев заключается в их правиле (зачастую необходимости) связывать пророчества со шкалой времени, поскольку фактор времени в стратегии является (согласно моим исследованиям) детерминирующим [10]. Философам же эта провидческая корреляция провозглашаемых будущих событий со временем не свойственна. Стратегия и стратегические сценарии всегда соотносятся и связываются со шкалой времени. Закон экономии времени, как доказывается (в моих исследованиях) является первым и главным законом стратегии и процессов стратегирования. Несмотря на то что экономическая теория Карла Маркса определяет в качестве первого экономического закона закон стоимости, другие школы экономистов обосновывают в качестве важнейшего экономического закона закон спроса и предложения. В стратегии оба эти критерия – стоимость и соотношение спроса и предложения могут фундаментально изменяться с течением времени. Профессионалы, которые предлагали стратегические советы, также действовали и в древние времена. Сущностно, это институт советников, дающий рекомендации долгосрочного характера. Можно утверждать, что советники фараонов в Древнем Египте были, в некоторой степени, стратегами. То же самое мы можем сказать о визириях, которые были советниками ханов или, например, султанов в Османской Империи и в целом в мусульманском мире. Что мы не знаем о тех временах, с достаточной точностью, так это баланс между мифом, ранними верованиями, психологией, связанной со способностями подсознательно и/или интуитивно предвидеть будущее и практическими или/и научно обоснованными стратегическими знаниями.

Чем функционально отличается пророк-провидец от стратега? В большинстве исторических или легендарных примеров пророки предвидят

будущее нации или индивидуума, будь оно позитивным, негативным или даже трагическим. Пророки не планируют и не представляют многочисленные сценарии, базирующиеся на их анализе фактов и факторов, предопределяющих предвиденное ими. Они каким-то образом подсознательно, интуитивно воспринимают будущее, причём, в известных мне примерах, безальтернативно. Характеристики этой футуристической «картины» будущего связаны как с общим культурным и научным уровнем общества или окружения провидца, так и с его личными знаниями, культурными и духовными ценностями, интересами. Стратег же, уже хотя бы в силу практической необходимости, всегда должен иметь и представлять несколько, чаще альтернативных, сценариев. Если стратег абсолютно уверен в результатах своего анализа, он, в исключительных случаях, может представлять и предлагать только один сценарий, однако это редкость и таит гораздо больше опасных последствий, чем наличие основного и альтернативных сценариев. Даже гениальные стратеги имеют и предлагают более чем один сценарий после разработки стратегии и по результатам стратегического планирования; предвидеть и полагаться только на один абсолютный результат непрофессионально. Мои исследования показывают, что всегда следует разрабатывать два или три объективно применимых эффективных сценария, в виду вероятности появления в стратегируемый период новых возможностей и угроз [11].

Пророки не могут иметь альтернативы, потому что они не стратегируют будущее, а скорее «видят» или предвидят его как завершённую (или в основном завершённую) «картину». Предположим, теоретик и/или практик стратегии допускает и принимает эту способность пророков предвидеть будущее без каких-либо стратегических разработок и их реализаций, тогда стратег должен также понимать, что, в этом случае, он не имеет способности изменять этот же период будущего, предвиденный пророком, несмотря на свои твёрдые выводы о высокой вероятности иных сценариев и контуров данного отрезка будущего, к которым он пришёл,

используя свои знания, опыт и стратегическое мышление. Сущностно, стратег и его долгосрочная стратегия, в этом случае, противопоставляется иррациональной *судьбе*; посколькy полагаясь на пророка, доверяя его способности предвидеть, стратег подсознательно полагается на *судьбу* и это приносит человечество как лодку без руля и ветрил к берегу предсказанного конца. В предвидениях и описаниях будущего, высказанных пророком, единственный ответ - быть готовым столкнуться с этим и принять его. Хотя даже знание о безальтернативности интуитивно предвиденного пророком иррационального будущего позволяет встретить его подготовленным сценарием дальнейших действий...

Мне известно несколько уникальных примеров того как даже великие стратеги, представляя тяжелые последствия своих конкретных решений долгосрочного характера, иногда абсурдно следуют им как «всевидящей» иррациональной судьбе, пренебрегая своими же знаниями и опытом. Здесь представляется наиболее уместным привести один такой пример, который, я уверен, демонстрирует как стратег пошел за пределы своей стратегии, предвидя высокую вероятность ошибочности и неоправданного риска своих, в значительной степени, необязательных действий. Читая мемуары Наполеона о его военной кампании 1812 года в России, легко отметить пассажи, в которых он подчеркивает необязательность этой кампании и высочайшие риски, а также прямо отмечает отсутствие у него разработанного плана. Но при этом Наполеон подчёркивает «Если бы даже у меня был заранее обдуманый план, расположение русских войск неминуемо заставило бы меня отступить от него» [12]. То есть, Наполеон, отмечая неминуемые поражения разрушительной, для всей его империи, силы, просто вёл за собой четырехсоттысячную армию, отдавая себя и войско на произвол абсурдной *судьбы*. Здесь уместно вспомнить приписываемый раннехристианскому теологу и философу Тертуллиану (Quintus Septimius Florens Tertullianus) пассаж: «Верую, ибо абсурдно» («Credo quia absurdum est»), в котором, по сути, провозглашается торжество подсознательного и

иррационального (точность этого перевода вызывает вопросы). Несмотря на огромные потери и нарастающий со стороны соратников критицизм, Наполеон по-прежнему продолжал свой губительный курс. Этот великий гений стратегии не имел ясного объяснения своих действий, подчеркивая многократно, что в силу политических и военных факторов у него не было альтернатив. Я размышлял об отношении Наполеона к его же решениям в этой кампании и сделал вывод, что он уже понимая исход, не мог изменить свой же курс. Он закончил эту войну с пустыми и связанными руками, потеряв не только данный поход, но и свою армию, и тысячи жизней с обеих сторон войны и изменил курс Франции во многом, хотя и не совсем, в худшую сторону. Он был неожиданно и жестоко побежден в относительно молодом 43-х летнем возрасте и в зените таланта и успеха как государственного деятеля и военного лидера. В своих мемуарах он делал заявления и признания о неотвратимости нападения на Россию, поскольку искренне верил, что не имеет другого выбора. Я убежден, это была судьба, предначертанная пророчеством, столь сильно повлиявшим на подсознание Наполеона. Трудно найти другое объяснение, почему личность с таким выдающимся стратегическим мышлением может написать такое признание, несмотря на понесённые потери всего, что он достиг до этого.

Пророк и/или предсказатель – крайне редко лидер каких-либо практических решений и действий. Пророк – это, прежде всего, духовный поводырь и часть души нации и своего окружения, своих последователей на пути к «увиденному» или предвиденному будущему. Вот почему пророки, которые сочетают свои способности провидца и посланника Высшей силы с лидерскими качествами практика, абсолютно уникальны. В большинстве христианских верований и доктринах описываются три различных лидерских роли, представленные в Ветхом Завете: пророк, священник и король. В редчайших личностях эти роли сочетаются. Библейский Аарон (Aaron) был первым первосвященником, однако Моисей был пророком и фактическим лидером. В течение всей «Эпохи судей» («Time of the Judges») до

ветхозаветного первого царя народа Израиля Саула (King Saul), судьями были лидеры и священники. Не говоря об историографических фактах, даже в мифологических историях очень редко можно найти примеры пророка, который был бы также практичным лидером за исключением, прежде всего, Моисея и Мухаммеда (Магомеда). Однако и Моисей никогда не был официальным или государственным лидером израильтян даже в библейских историях; он умер до того как нация обрела свои ветхозаветные территориальные границы. Если же сравнивать таланты стратега и лидера, то в первую очередь следует подчеркнуть, что стратег - это профессия, корни которой уходят в исторические глубины военной деятельности. Однако, как обосновывается в моих исследованиях, люди с сильной интуицией (конечно если они её не игнорируют), глубокими знаниями и ясным видением будущего могут быть стратегами - практиками и теоретиками стратегирования, вне зависимости от сферы их деятельности. Одним из таких уникальных примеров (если не единственным) личностей, наделённых в той или иной степени всеми этими качествами одновременно, был Марк Аврелий Антонин (Marcus Aurelius Antoninus). Немногие говорят об этом великом философе-стоике, императоре и стратегическом лидере как о провидце, несмотря на то, что на протяжении всей его жизни, да и после ухода в мир иной, не было и нет свидетельств его серьезных ошибочных действий и решений, вызванных противоречивостью столь удивительного сочетания различных качеств императора. В истории цивилизации можно выделить лишь единицы истинных крупнейших философов, мыслителей, исполнявших важнейшие функции в руководстве государствами и правительствами. Таким также и бесспорно является и Фрэнсис Бэкон - занимавший в XVII веке высший правительственный пост Англии - лорда-канцлера и написавший труды, лежащие в основе теорий эмпиризма и английского материализма, оставивший несколько глубоких теологических исследований. Но и этот гигант уступает философу - императору Рима, - Бэкон не был провидцем, как Марк Аврелий.

Деятельность в сфере стратегирования траекторий и векторов движения к будущему, отделенному от дня сегодняшнего годами, десятилетиями и даже столетними периодами времени, приобрела постепенно свои уникальные характеристики, навыки и знания и к середине XX в. сформировалась как профессия. В ведущих университетах мира стали появляться кафедры, готовящие профессиональных стратегов. При этом профессиональный стратег совсем не обязательно должен являться руководителем и лидером. Если отличный профессиональный стратег не имеет лидерских качеств или по ряду причин не развивает их, не имея интереса к руководящей работе, он может расти как специалист в сфере практического стратегирования в качестве советника, консультанта или/и вести исследования теории и методологии стратегии. Профессиональный стратег - это мудрый, оптимистичный и дисциплинированный специалист, имеющий стратегическое мышление, в некоторой степени видение будущего и интуицию, которой стратег никогда не должен просто пренебрегать [13]. Стратег должен изучать и учитывать культурную и религиозную среду стратегируемого объекта и регионов реализации стратегии. Понятно, что профессиональный стратег должен обладать методологией стратегирования, уметь использовать глубокие знания субъекта для преумножения его успехов и укрепления репутации, он должен обладать широким пониманием и быстрым восприятием новых закономерностей и трендов технологического, социального, экономического, экологического характера. Профессиональный стратег, взаимодействуя с лидером, помогая ему, может вносить неоценимый вклад в деятельность лидера по правильной оценке конкурентных преимуществ субъекта стратегирования, в процессах формулирования приоритетов, разработки сценариев и планов, форм и методов их реализации на пути к сценариям будущего. В XXI веке контуры и характеристики будущего, ценности и приоритеты, к которым должно стремиться общество, векторы и темпы этого движения не могут грамотно определяться и

эффективно достигаться без профессионально разрабатываемых и последовательно реализуемых стратегий.

-
1. Gladwell M. (2005). *Blink: The Power of Thinking Without Thinking*. New York: Little, Brown, 320 pgs.
 2. Бестужев-Лада И.В. (2011). *Предвидение*. М.: Малая российская энциклопедия прогностики 3.
 3. Kahneman D. (2011, November 14). *We're beautiful devices*. London: The Guardian.
 4. Kahneman D. (2015, July 20). *9 TED Talks that will teach you how your mind works*. New York: Business Insider.
 5. Kahneman D., Tversky A. (1979). *Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk*. Bethesda, MD: *Econometrica*, vol. 47, issue 2, 263-91 pgs.
 6. Aumann R. (1975). *Agreeing to Disagree*. (Working Paper). Stanford: Institute for Mathematical Studies in the Social Sciences, Stanford University.
 7. *Российская социологическая энциклопедия*. Осипов Г.В. (Общ.ред.). (1998). М.: Норма-Инфра. 672 с.
 8. Keathley, J.H. III. (n.d.). (2013). *The Major Prophets*. Old Testament Gateway.
 9. Nostradamus. (1994). *The Complete Prophecies of Nostradamus*. H. C. Roberts. London: Thorsons, pp. XVIII-XIX.
 10. Kvint Vladimir L. (2015). *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications*. New York, London: Routledge, pp. 63-64,
 11. Там же. с.104-105
 12. Мемориал 1812 года. *Война глазами Наполеона*. С комментариями В. Димова. (2012). М.: Классика, с. 38.
 13. Квинт В.Л. (2012). *Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке*. М.: Бизнес Атлас, сс. 353, 362-363.